

УДК 322.2

Ю.Д. Джабраилов

Государственно-конфессиональные отношения в Имамате

Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН;
y.djabrailov@yandex.ru

В статье рассматривается становление на основе норм мусульманского права первого централизованного теократического государства Северного Кавказа – Имамат. Подчеркивается важная роль личности имама Шамиля как религиозного и политического лидера в объединении ранее разрозненных обществ Дагестана и Чечни в едином государственном образовании, формировании властных структур.

Ключевые слова: *Имамат, духовная власть, мусульманское право, политическая власть, ислам, шариат.*

Formation is considered in article on base of the rates of the Moslem right first site theocratic state in the North Caucasus – in the Imammat. It is emphasized of no small importance role to personalities imam Shamil as religious and political leader in association earlier disembodied society Dagestan and Chechnya in united state formation, shaping the powerful structures.

Keywords: *Imamat, spiritual power, Moslem right, political power, Islam, sharia.*

Развитие государственно-конфессиональных отношений представляет высокий научный интерес в современной политической науке. В условиях современных глобализационных тенденций в культуре, политике и в экономической сфере сохранение в государстве приоритетного значения принципа свободы вероисповедания, особенно в регионах компактного проживания мусульманского населения, играет важную роль в гармонизации отношений, сохранении стабильности и безопасности в обществе.

В северокавказских национальных республиках, как и в любых других регионах, существует присущая им культурная среда. На формирование данной среды огромное влияние оказали религиозные нормы и ценности ислама. Ислам как религия обладает значительными возможностями воздействия на общество. Мусульмане слабо восприимчивы к тем цивилизационным изменениям, которые противоречат исламским ценностям и не находятся в русле исламской философии. А.С. Халилова отмечает, что в Дагестане, Чечне, Ингушетии ислам стал частью культуры и образом жизни; здесь трудно провести грань между религиозными и национальными особенностями. Культура каждого народа тесно связана с религией, которую тот исповедует [14, с. 141].

В современной научной литературе государственно-конфессиональные отношения определяются как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязи между институтами государства и институциональными религиозными образованиями, являющихся составной частью внутренней и внешней политики государства. При этом исследователи отмечают, что «России нужна новая модель государственно-конфессиональных отношений, ориентированная на четкое закрепление в федеративном и региональном законодательстве конституционных принципов, регламентирующих взаимоотношения между государством и религиозными институтами» [15, с. 18].

В этой связи актуальным представляется исторический экскурс, нацеленный на выявление значимости ислама и влияния его институтов на общество и власть на Северном Кавказе. Прояснению этого вопроса может способствовать беспристрастный взгляд на период национально-освободительной борьбы горцев за свою независимость, отмеченный в мировой литературе как пример самоотверженной любви к родине и преданности своей вере. Данный период интересен, во-первых, созданием централизованного теократического государства на Северном Кавказе – Имамат; во-вторых, рассмотрение условий и причин событий XIX века позволит определить, возможно ли во-

обще проводить параллели с современными сепаратистскими тенденциями под религиозными лозунгами на Северном Кавказе. Анализ становления теократического государства на Северном Кавказе интересен также в контексте определения роли и места религиозных институтов при выстраивании современной системы государственно-конфессиональных отношений в светском государстве.

После подписания в 1813 г. Гюлистанского мирного договора с Ираном Российская империя начала осуществлять колониальную политику на всей территории Дагестана без учета воли и интересов многих вольных обществ и феодальных владений страны гор, независимых от Ирана и России. С высокой долей вероятности можно утверждать, что намерения Российской империи в тот период были направлены на христианизацию горцев. По этому поводу главнокомандующий Кавказской армией, наместник царя на Кавказе Барятинский писал: «...со временем христианство обнимет собою горы и на развалинах мусульманства водворится даже там, где оно не было» [7, с. 125].

Реакцией горцев на угрозу потери независимости и ущемления своей веры стали повсеместные выступления против войск царской армии. Неудивительно, что в этот период жизни горцев на передний план выдвинулся ислам. В условиях сложной географии и отсутствия централизованного управления территориями Дагестана именно эта религия являлась, наряду с джамаатским укладом общежития, важной основой, связывающей их в «единообразную» форму. Известный советский историк Х.М. Ибрагим-бейли пишет, что усиливающийся гнет местных феодалов и тяжелый колониальный гнет царизма «поставили перед трудящимися-горцами дилемму: или физическое вымирание или защита с оружием в руках своего права на жизнь» [8, с. 164].

Религиозные деятели стали во главе протестного освободительного движения и смогли привлечь к нему широкие массы горцев, поскольку, во-первых, они в отличие от феодалов были из их числа, вели тот же образ жизни, и им не угрожала потеря ни социальных, ни экономических привилегий. Во-вторых, именно религиозные лидеры озвучивали сокровенные желания и чаяния населения. Если с феодальным сословием имперская власть находила общий язык, вознаграждая чинами и титулами, то сотрудничество с мусульманскими религиозными лицами не предусматривалось, поскольку планы православной Российской империи на тот период были нацелены на ущемление и притеснение всего, что связано с исламской культурой. Многие авторитетные религиозные и общественные деятели того периода предприняли активные меры по сохранению сложившегося уклада жизни и начали актуализировать всестороннее доминирование норм шариата, избавление их от сложившихся адатов (обычаев), противоречащих духу ислама.

Эволюционный процесс создания централизованного исламского государства на Северном Кавказе и развитие государственного аппарата проходили в три этапа. Это было тесно связано с необходимостью организации национально-освободительного движения, направленного против установления жестких, непривычных для горцев бескомпромиссных норм царского самодержавия. Основной лозунг внутренней политики – насаждение шариата – по сути стал лозунгом политическим, средством достижения единства и политико-правовой унификации. Не менее важно и то, что вожди движения сумели превратить его в обоснование идеи равенства – отсюда целый ряд социальных акций и реформ. Этим же объясняется то сопротивление шариату, которое оказала словесная верхушка.

Таким образом, ислам, который задолго до XIX в. выполнял в Дагестане функции мировоззренческой и социально-культурной системы для всех коренных народов, стал еще и важнейшим средством духовного объединения горцев. В связи с началом борьбы горцев консолидирующая роль ислама неизмеримо возросла, он стал знаменем национально-освободительной борьбы, придал ей исключительную живучесть, идейную сплоченность, патриотический накал, воодушевил горцев на бескомпромиссную борьбу с местными феодалами и колонизаторами. Как справедливо писал немецкий историк,

«религия стала огнем, от жара которого разнородные элементы, очистившись, слились воедино, стала раствором, который продолжительное время соединял разобщенные обычаями, верованиями племена Дагестана, стала в конечном итоге мощной пружинной, объединяющей силой этих народов» [3, с. 14].

Становление и функционирование государства Имамат у многих ассоциируется с именем третьего имама Дагестана Шамиля. В военных условиях Шамиль сумел создать стройную и эффективную систему государственного управления в Имамате, опирающуюся на нормы шариата и традиции местного самоуправления, т. е. фактически на их основе был налажен государственный порядок: собираемость налогов, создание казны (*байтул-мал*) и хорошо оснащенной, обученной армии. В целом Имамат предстал как теократическое исламское государство, то есть характеризовался слиянием государственных и религиозных институтов.

Признание ислама официальной государственной религией и глубокое взаимопроникновение и даже совмещение государственных структур со структурами религиозных (исламских) объединений в Имамате не означало запрета на официальное существование на его территории религиозных объединений, принадлежащих другим конфессиям. В Имамате жили последователи всех традиционных конфессий (ислама, христианства, иудаизма), здесь господствовал дух толерантности и сотрудничества. Имам, следуя исламским нормам, не культивировал религиозно-национальную нетерпимость, не посягал на религиозные права немусульман, не ставил целью насильственное обращение их в мусульманство.

Шамиль как глава государства являлся избранным лицом согласно суннитской концепции власти, которая не характеризуется какими-либо крайними позициями в этом вопросе. Сунниты – приверженцы такой формы власти, которую осуществляет выбираемый авторитетными мусульманами член общины, обладающий непререкаемым авторитетом, знанием религиозных норм, богобоязненностью (в данном случае в условиях военных действий учитывались еще такие качества, как смелость, владение искусством тактики и стратегии). В руках имама одновременно находится верховная политическая и духовная власть. Теократический характер Имамата подтверждается помимо слияния государственной (политической) и духовной (имам – *амируль муьминин* предводитель мусульман) власти, тем, что нормы шариата составляют основной источник государственного публичного права.

Возможные выводы с точки зрения современной политической науки о деспотичности концентрирующей в одних руках исполнительной, законодательной и судебной власти скорее будут поспешными без учета отдельных нюансов сложившейся системы. Так, среди факторов, сдерживающих власть имама, были шариат, обязанность суфия слушаться своего муршида, внутреннее распределение власти между Шамилем, его наибами и другими влиятельными лицами, а также готовность населения выполнять или не выполнять его приказы [5, с. 31].

Согласно политической теории суннизма, каждый мусульманский правитель обязан защищать, утверждать и соблюдать законы шариата. Лишь до тех пор, пока он выполняет этот свой долг, его власть является законной и легитимной, а его подданные должны ему повиноваться. В связи с этим трудно не согласиться с исследователем Кавказских событий XIX века Моше Гемером, который отмечает, что «При всем пассивном подходе, характеризующим суннизм, он все – таки ограничивает свободу действий правителя сильнее, чем это кажется, и он (имам) не смог бы позволить себе серьезные отступления от шариата и пойти на глубокий конфликт с его толкователями – уламами, несмотря на их обычную зависимость от государства» [5, с. 31]. Известно, что имам Шамиль неукоснительно придерживался предписаний шариата, следовал ему в частной и общественной жизни. Он многократно повторял слова: «если я сделаю что-либо противное шариату – сейчас же рубите мне голову» [4].

Имам Шамиль являлся мюридом шейхов Магомеда Ярагского и Джамалудина Казикумухского (и сам впоследствии достиг уровня муршида накшбандийского тариката), а согласно пути тариката одним из условий для достижения своей основной цели – «богопознания» является беспрекословное повиновение своему муршиду. А уровня муршида не достигает тот человек, у кого есть в сердце «хоть крупинка любви к мирскому», то есть тот, кто идет на поводу своих страстей и может переступить через справедливое решение ради мирских благ. Следовательно, авторитет духовных наставников имел для имама огромное значение, и вряд ли он мог пойти наперекор им, не посоветоваться со своими шейхами по принятию того или иного государственно-значимого решения. В основе своей и на практике его власть всегда была ограниченной.

Не случайно основателем мюридизма на Кавказе и идеологом движения горцев называют шейха М. Ярагского, без благословения и одобрения им данной миссии Шамиль вообще не мог взвалить на себя тяжелую ношу предводителя. Столь ответственное решение, принятое шейхом М. Ярагским, было связано не с властолюбием, а с пониманием того, что в деле защиты устоев религии и векового уклада жизни местного населения не достичь положительного результата дипломатическими методами. А попытки некоторых историков обвинить Шамиля в циничном использовании шариата для достижения своих целей не выдерживают никакой критики. Смог бы имам в таком случае заручиться поддержкой всех алимов Имамата? Однозначно этого можно было достичь только благодаря своей безупречной репутации.

Ислам для Шамиля был не только верой и критерием личной духовности и нравственности, но также средством и целью политики, религия помогала решению политических задач, а это содействовало утверждению ценностей ислама. Имам Шамиль и руководители борьбы горцев были в высокой степени компетентны в вопросах ислама и строили свою религиозную политику в рамках ортодоксальной исламской доктрины и ее канонических источников. Они учитывали, что для горцев, привыкших к самостоятельности и независимости, непросто принять централизованную государственную власть. Но к централизации вынуждала война, а статус высшего религиозного руководителя позволял имаму добиваться признания своего верховенства. Таким образом, ими была найдена формула, согласно которой ислам – не только мистическое вдохновение, но также организационная платформа с детальной программой действия. Создание исламской государственности подготовило социальную почву, централизованную организацию и авторитетные кадры.

Осуществлению задуманных имамом мероприятий исторического масштаба мешали прежде всего бытовавшие здесь адаты (не соответствовавшие духу ислама), различные в каждом обществе, служившие препятствием для объединения горцев в единое государство, и местная феодальная знать, эксплуатировавшая при поддержке царизма своих подданных, противостоящая освободительной борьбе народа. Универсальным средством решения этих проблем служило последовательное распространение шариата среди горцев до полного вытеснения им адатов. В определенном смысле то, что имам Шамиль являлся авторитетным алимом и суфуйским шейхом, позволило ему на основе самостоятельной интерпретации отдельных вызывающих разночтения шариатских норм преодолеть возможные противоречия среди религиозных деятелей и верующих мусульман. Народ в массе своей приветствовал шариат, так как идеи равенства всех людей перед Богом, противоестественности эксплуатации человека человеком отвечали его классовым интересам. Противостояли шариату лишь представители эксплуататорских классов.

К горскому населению, которое привыкло руководствоваться не только нормами шариата, но порой и противоречащими им адатами, приходилось принимать жесткие меры по их искоренению. Но Шамилю как главе государства и как высшему духовному лицу удалось вести довольно гибкую политику, направленную на преодоление преград на пути улучшения социального положения населения насколько это было возможно в

условиях постоянных военных действий. Поэтому правы те исследователи, которые говорят о справедливом характере правления Шамиля, несмотря на его суровость. Известны случаи, когда имам Шамиль, созывая народ для очередного похода, использовал ситуацию, для опроса населения и выслушивания жалоб [9, с. 317].

Не случайно многие российские и зарубежные исследователи уделяли особое внимание новой, невиданной доселе на Северном Кавказе, стройной системе административного деления и управления Имаматом, его централизованному аппарату, руководившему хозяйственными и военными делами. Во главе этого государства стоял имам, выборное лицо, облаченное большими властными полномочиями. При имаме был создан совещательный (консультационный) форум Диванхана для помощи в принятии важнейших административных, политических, религиозных и судебных решений. Исполнительная власть на местах была представлена наибями. Они руководили особыми территориями – наибствами (административно-территориальные единицы в Имамате), которые обычно включали в себя одно (но в некоторых случаях и больше) общество (джамаат).

Однако не все реформаторские преобразования в структуре управления Имамата успешно приживались в новой вертикали власти. Весьма недолго просуществовал в данной системе новый уровень в исполнительной властной иерархии – мудираты (территориальный округ объединяющий, как правило, четыре наибства) во главе с мудиром. Они предназначались для усовершенствования системы управления и усиления контроля за наибями, но вскоре были отменены из-за малоэффективности и трений с наибями.

Единая судебная система имамата, созданная на основе норм шариата, отражала сложившееся государственное устройство. В каждом наибстве сам наиб назначал муфтия, кандидатура которого подлежала обязательному утверждению имамом. Муфтий, в свою очередь, назначал кадиев в крупных аулах, их кандидатуры также утверждал имам. Хотя в сложившейся иерархии властных структур наблюдалось зависимое положение судебной власти от исполнительной, элементы разделения властей вырисовывались благодаря запрету наибам заниматься судебной практикой. Для этого в каждом наибстве были муфтии и кадии, что способствовало эффективному контролю за деятельностью наибов.

Основным источником законодательства в Имамате были нормы шариата, которым не должна была противоречить вся правовая система государства. В конкретных исторических условиях того времени шариат в Имамате являлся средством объединения разрозненных народов Дагестана и Чечни и имел огромное значение в жизни государства. Принятый в Имамате кодекс законодательных установлений, составленный имамом и его сподвижниками на основе и в рамках шариата, назывался «Низам» (букв. с араб. «строй, порядок»). Он представлял собой интересный правовой документ, состоящий из 14 статей, в основном касающихся регулирования административных, финансовых, военных и судебных вопросов. Все низамы легитимировались основами шариата, даже такие, как запрет на вырубку деревьев без специального разрешения или подделка русских монет [12, с. 378–380].

Социальная политика в Имамате не ограничивалась только запретительными мерами, о чем красноречиво свидетельствуют пропаганда культа знаний и попытка всеобщего начального образования по инициативе государственной власти. В условиях военных действий дети горцев в примечетских школах знакомились с основами религии, молитвами, правильным чтением Корана, а также в них воспитывали чувство долга, милосердие, уважительное отношение к окружающим. При мечетях крупных аулов были созданы медресе, где детей и взрослых учили религиозным наукам. В них учащиеся, помимо изучения арабского языка, мусульманского права, толкования Корана и хадисов, знакомились также с основами философии, логики, политологии, социологии, права, культуры и традиций, астрономии, математики, истории, народной медицины и т. д.

В Имамате приоритет знаний не был простой декларацией. В книге секретаря имама Муххамед-Тахир аль-Карахи упоминается случай обмена пленными, когда Шамиль предпочел образованных и сказал окружающим, что не хочет, оставив ученых в плену, получить «взамен двух русских начальников, ни сына, ни богатства» [11, с. 106–107].

Социальная политика в Имамате проводилась в интересах населения, ликвидировались феодальные повинности, пастбища и пахотные земли князей, ханов обращались в государственную собственность. Допустимость кровной мести (с желательностью прощения кровника ради Всевышнего) по шариату обернулась на тот период адатом, который практически стал носить чуть ли не обязательный характер во всех обществах Дагестана и Чечни. И даже тот, кто желал простить своего кровника, не делал этого из-за боязни обвинения в трусости. В результате распространялась вражда между семьями, тухумами и порой целыми селениями, и это очень мешало объединению горцев. Шамиль категорически запретил мстить родственникам убийцы. Он издал распоряжение, которым запрещал этот обычай и приложил много усилий, чтобы все столкновения кончались примирением обеих сторон.

В исламе отмечается необходимость выплаты калыма, но не уточняются его пределы, и на период правления имама Шамиля размер его достиг такого высокого уровня, что стал причиной роста числа холостых мужчин и незамужних женщин. Тогда имам своим указом установил максимальный размер калыма – 20 руб. серебром за девственницу и 10 руб. за вдову или разведенную. Не удовлетворившись этим, он неоднократно приказывал наибам устраивать браки девушкам, которые достигли брачного возраста, и вдовам. Вопреки некоторым субъективистским интерпретациям главной целью имама было, скорее, сохранение моральных устоев молодежи [6, с.1398].

Не случайно еще в 1842–1843 гг. русские источники утверждали, что произошли большие изменения в поведении и моральных устоях горцев, в особенности чеченцев. Современники отмечали: «В настоящее время в Чечне убийство, воровство, насилие и другого рода преступления сильно преследуются ...». Большое значение в законодательной системе имели меры, направленные на преобразование быта и традиции, в частности, резко был уменьшен выкуп за невесту, достигавший в Чечне 800–1500 руб. серебром, в целом улучшено материальное обеспечение вдов и сирот [2].

С нарушителей государственного распорядка взыскивались штрафы, все доходы, получаемые от штрафов, поступали в общественную казну. Закон строго наказывал за воровство, отрубание правой руки было заменено на трехмесячное заключение за первые два преступления и смерть – за третье. Шамиль телесным увечьям предпочитал наказания со сдерживающим эффектом. Фактический материал наглядно демонстрирует, что в Имамате на практике реализовывались принципы неотвратимости наказания и юридической ответственности за нарушения низамов и шариата.

Уникальное по своей сути государственное образование Имамат завершило свое существование с окончанием Кавказской войны в 1859 г. Среди основных причин поражения горцев можно выделить: превосходство в численности и военной оснащенной царской армии; изнурение и усталость горцев в ходе многолетней борьбы; упадок экономики; злоупотребления и измена многих наибов политике имама.

Тем не менее, многолетняя вооруженная борьба горцев Кавказа под религиозным знаменем не прошла бесследно, и было бы ошибкой называть ее поражением. Демонстрация горцами в ходе этой вооруженной борьбы мужества, стойкости, готовности пожертвовать жизнями ради своей религии и уклада жизни заставила царское правительство пересмотреть свою социально-конфессиональную политику по отношению к горскому населению. Де-факто Шамиль добился выполнения тех условий, которые он поставил перед царской властью: во-первых, не препятствовать исламу в Дагестане; во-вторых, не распространять в Дагестане христианство; в-третьих, не развратничать;

в-четвертых, не призывать горцев служить в царской армии; в-пятых, не стравливать народы Дагестана друг с другом.

Учитывая, что именно ислам оказал значительное влияние на становление первого централизованного государства на Северном Кавказе, в котором было покончено с привилегированным сословием, проведены довольно эффективные социальные реформы в интересах всего населения, мы можем заключить следующее. При выстраивании в современном государстве системы государственно-конфессиональных отношений не стоит игнорировать религиозность населения, создавая политико-правовые механизмы, ущемляющие исламские нормы и ценности.

Попытки некоторых современных «экспертов» протолкнуть тезис о том, что ваххабизм как религиозно-правовое учение является традиционным для мусульман Дагестана и Чечни, основываясь на том, что принципы «чистого ислама» якобы присутствовали в идеологии движения имама Шамиля, не соответствуют действительности. Во-первых, известно, что имам Шамиль был суфием и придерживался тариката», что ставится под сомнение сторонниками «чистого ислама». Во-вторых, после избрания имамом Шамиль, объясняя свои действия в горах, обратился с письмом следующего содержания к главнокомандующему войсками в Дагестане барону Розену: «Вне сомнения, – писал он, – я желаю установить с тобой соглашение о мире, я не сделал ничего худого и злого против твоих ставленников и против твоих укреплений, разве лишь после того, как они попытались овладеть нами, воевать против нас и пленить нас. Если мы придем ко взаимному соглашению, то это приведет нас к миру между собой и теми, которые следуют моим велениям, т. е. мусульманскими войсками. Я хочу с тобой лишь мира, поскольку вы оставите нас на наших землях, не покушаясь на действия, противные нам. Да будет мир над теми, которые следуют истинному пути» [1].

Более того, в середине 30-х годов незадолго до штурма Ахульго Шамиль даже считал возможным признание русского протектората над Дагестаном, но при определенных условиях. Но царской России не хотелось менять имперскую шовинистическую политику и выстраивать дипломатическим путем отношения с государством горцев. А условия, выдвигаемые Шамилем, отнюдь не были непомерными: имам фактически требовал внутреннего самоуправления и признания уже проведенных в Дагестане шариатских реформ. Очевидно, что это позиция реального политика, а не фанатика – приверженца «джихада во что бы то ни стало» [10, с. 39].

Попытки сравнения деятельности современных религиозных экстремистов с национально-освободительной борьбой XIX века под руководством имамов Дагестана, на наш взгляд, не корректны так как: а) в основе их действий лежат разные причины, б) существуют различия в вероубеждении – в акыде, в) имамы избирались самим народом (посредством признанных алимов согласно суннитской концепции власти), г) имамы действовали согласно решениям ученых о необходимости вооруженного джихада (современные же ученые не только Дагестана, но и всего мира в настоящее время не видят причин для джихада).

Литература

1. Абдурахман ибн-устаз шейх тариката Джамалудина аль-Гусейна (Книга воспоминаний) // Рук. фонд Института ИЯЛ. Л. 13–14.
2. Ахмадов Я. Имамат Шамиля – государство горцев Чечни и Дагестана – <http://www.chechen-republic.com/12315-imam-shamil.html>
3. Боденитедт Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. – Махачкала, 1996.
4. Газета Кавказ. – 1859. – № 82.
5. Гемер М. Шамиль – правитель государства и его дипломатия. – Махачкала, 1997.
6. Дневник Руновского. – С. 1398, запись на 10 (22) ноября 1859 – Тифлис, 1869.

7. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал А.И. Барятинский // Русский архив. – 1891. – Т. 3.
8. Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. – М., 1971.
9. Левый фланг кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. – Т. 6. – Тифлис, 1887. – С. 317.
10. Магомедов Р.М. Шамиль в отечественной истории. – Махачкала, 1990.
11. Муххамед-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых Шамилевских битвах. – Махачкала, 1990.
12. Руновский А. Кодекс Шамиля // Военный сборник. – 1862. – Т. 23.
13. Халилов А.М. Шамиль и Кавказская война. – Махачкала, 1998.
14. Халилова А.С. Политическое, экономическое и культурное сотрудничество Дагестана с республиками Северного Кавказа в 1980–2000 годы. – Махачкала, 2012.
15. Яхьяев М.Я., Камышова Е.Г. Власть и религия в современной России: метаморфозы взаимодействия // Исламоведение. – 2013. – № 1.

Поступила в редакцию 15 августа 2013 г.